

УДК 82.09

*Г.Д. Дробинин**

В. ХЛЕБНИКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ А.Л. ХВОСТЕНКО: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

В статье представлены первые результаты сопоставления поэтик В. Хлебникова и А.Л. Хвостенко. Рассмотрены случаи непосредственного упоминания имени В. Хлебникова в поэтических текстах А.Л. Хвостенко, а также на примере нескольких стихотворений проанализированы случаи структурного параллелизма между поэтиками авторов. В заключение рассматриваются причины обращения А.Л. Хвостенко к поэтике В. Хлебникова.

Ключевые слова: авангард, неофициальная литература, футуризм, литература андеграунда.

Данная статья – первый опыт сопоставления поэтик андеграундного поэта второй половины XX века А.Л. Хвостенко и одного из главных поэтов-футуристов В. Хлебникова. Мы остановимся на ряде «очевидных» случаев обращения А.Л. Хвостенко к имени или к текстам В. Хлебникова. Впоследствии на базе данных этого исследования предполагается изучить связи, скрытые на более фундаментальных уровнях поэтики. Потому результаты исследования, отраженные в данной статье, следует считать промежуточными.

А.Л. Хвостенко раз за разом обращается к творчеству «председателя Земного шара» различными способами. К таковым относится введение непосредственно имени В. Хлебникова в текст произведения:

хомяков
херасков
хемницер
хвостов
ходасевич
хромов
худяков
хлебников
хлеб и вино
хвостенко [3, с. 130].

Четвертый фрагмент «Вечера» «Верпований или камланий Верпы» состоит из 10 строк, девять из которых являются фамилиями, начинающимися с буквы «х». Многие из этих фамилий мы узнаем, так как принадлежат они известным поэтам и писателям. Завершается же текст фамилией самого автора. По нашему мнению, в ходе общего сюжета «Верпований...» данный фрагмент представляет собой припоминание имени шаманом, в роли которого выступает автор текста. Их единоначалие спровоцировано

* © Дробинин Г.Д., 2017

Дробинин Григорий Дмитриевич (gdrobinin@gmail.com), кафедра филологии и массовых коммуникаций, Самарский филиал Московского городского педагогического университета, 443084, Российская Федерация, г. Самара, Ново-Вокзальная, 213.

инерцией ритуального действия, в ходе которого повторы приобретают заклинательный характер.

Интересно, что перед названием собственного имени и появляется та единственная строка «хлеб и вино», которая не является фамилией. Пограничность этой строки также подчеркивается дополнительным пробелом после и перед строкой «хвостенко». Подобной величины пробела нет между другими строками фрагмента. Эта фраза также начинается с «х» и как бы вырастает как модификация предшествующей фамилии «хлебников». «Хлебников» превращается в «хлеб и вино» и становится как бы самым последним «ономастическим» этапом перед фамилией самого автора.

Выражаясь условно, от «хлебникова» до «хвостенко» лишь «хлеб и вино». Интерпретаций у такого превращения может быть много, но мы остановимся на обращении к христианской традиции, которая, безусловно, приходит на ум первой. Хлеб и вино в христианской традиции суть плоть и кровь Иисуса Христа, и потому христианин, говорящий «хлеб и вино», произносит не что иное, как «плоть и кровь». При всей эклектичности религиозного сознания, проявленного в Верпе, А.Л. Хвостенко был глубоко верующим человеком, так что образ «хлеба и вина», сопричастности божественному началу, был ему крайне близок.

Таким образом, введением данной строки автор обозначает глубокую духовную близость между собой и всеми вышеназванными людьми. Особенно это, на наш взгляд, касается В. Хлебникова как последнего в ряду названных, так как при последовательном произнесении текста фрагмента он тесно связывается как по расположению, так и по морфологии со строкой «хлеб и вино», а впоследствии и с именем самого автора. Прочтение «хлебников хлеб и вино хвостенко» можно заменить на семантически схожее «хлебников плоть и кровь хвостенко». Помимо этого можно предложить еще один смежный вариант интерпретации, в которой «хлебников», «причашенный» к христианству («хлеб и вино»), превращается в «хвостенко». Тем самым поэт уже по-другому указывает на характер связи собственной поэзии с творчеством В. Хлебникова.

Второй случай прямого упоминания имени В. Хлебникова в текстах А.Л. Хвостенко не менее информативен. В этот раз речь пойдет о стихотворении «Он уехал», входящем в состав поэмы «Памятник летчику Мациневичу».

Как отмечает Р.В. Дуганов, в поэтическом наследии В. Хлебникова бывает сложно провести границу между большим стихотворением и поэмой, так как трудно десегментировать поэзию футуриста на лирическую и эпическую составляющие [2, с. 94]. В «Памятнике летчику Мациневичу» мы видим похожую ситуацию. Поэма разбита на шесть объединенных единым лиро-эпическим сюжетом отдельных опусов, которые мы условно называем стихотворениями. Третье стихотворение посвящено В. Хлебникову, имя которого фигурирует в соответствующем эпитафическом тексте самого стихотворения. Этим «присутствие» В. Хлебникова в данном тексте не ограничивается, так как на уровне синтаксического построения текста мы видим структурный параллелизм текста А.Л. Хвостенко и стихотворения «Еще раз, еще раз» [4, с. 400] В. Хлебникова. Для обнажения структурной цитации приведем параллельно оба текста:

Еще раз, еще раз,
Я для вас
Звезда.
Горе моряку, взявшему
Неверный угол своей ладьи
И звезды:
Он разобьется о камни,
О подводные мели.

Горе и Вам, взявшим
Неверный угол сердца ко мне:
Вы разобьетесь о камни,
И камни будут надсмехаться
Над Вами,
Как Вы надсмехались
Надо мной.

III. ОН УЕХАЛ

памяти Велимира Хлебникова

хвала первым числам
каждого месяца
/когда уезжают/
хвала каждым суткам
начала недели
/когда уезжают/
хвала всем ночам
и секундам
/когда уезжают/

хвала летчику Митуричу
сумевшему выкроить время
чтоб выкрасть у времени
контуры гения
хвала летчику Хлебникову
сумевшему выехать
точно в положенный срок
хвала летчику-испытателю Галецкому
погибшему в бане с похмелья
хвала летчику Мациневичу
открывшему
новую эру
в истории стихосложения
хвала
летчику Хвостенко
возвестившему
это [3, с. 130].

Как видно, модуль обоих текстов един, различны только знаки. У В. Хлебникова он отрицательный («горе»), а текст возвещает бедствие, у А.Л. Хвостенко знак положительный, а текст воздаёт хвалу. Выбрав схожую структуру, поэт оттолкнулся от хлебниковского содержания, изменив на противоположный его пафос. Но тем не менее содержательно оба текста близки, поскольку хвостенковское стихотворение, на наш взгляд, описывает ситуацию обратную той, что описана у В. Хлебникова, то есть ситуация понимания поэта читателем (в роли поэта В. Хлебникова, в роли читателя — А.Л. Хвостенко). Читатель, описанный В. Хлебниковым, понял поэта, и горе обернулось восхвалением. Таким образом, мы можем рассматривать данный опус как поэтический реверанс одного поэта другому, в котором дается обещание развития идей первого.

Параллельны и одновременно противопоставлены, на наш взгляд, образы моряка у В. Хлебникова и летчика у А.Л. Хвостенко. Обе лексемы обозначают профессии, связанные с передвижением по стихиям воды и воздуха соответственно. Под этими образами поэты подразумевают реципиента поэзии, что позволяет сделать вывод о том, что чтение и восприятие поэзии, по мнению поэтов, тождественно физическому

движению, а сама поэзия тождественна стихии. Особую специфику взаимосвязи этих двух образов дает тот факт, что в поэтических кругах того времени бытовал миф о том, что именно В. Хлебникову принадлежит авторство неологизма «летчик», а реальным прототипом «летчика Мациневича», ставшего заглавным персонажем поэмы, является первый русский профессиональный летчик Л.Я. Мациевич. Но при этом и себя, и В. Хлебникова А.Л. Хвостенко называет «летчиками», то есть путешественниками в надземном воздушном пространстве, символизирующем стихию художественного творчества.

Не менее важными в раскрытии взаимосвязи двух поэтических систем нам кажется исторические источники синтаксической конструкции, выбранной сначала В. Хлебниковым, а затем и А.Л. Хвостенко. Мы полагаем, что восходит подобная конструкция к обращению Иисуса Христа к фарисеям и книжникам, что вполне соответствует мессианской природе хлебниковского слово- и житнетворчества. Данный факт возвращает нас к роли христианской традиции в переработке творческого наследия В. Хлебникова А.Л. Хвостенко. Обращение «горе Вам» напрямую сопоставляет слова В. Хлебникова и Христа, а схожесть содержания подтверждает это:

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что затворяете Царство Небесное человекам, ибо сами не входите и желающих войти не допускаете (Евангелие от Матфея. 23:27).

Для А.Л. Хвостенко же важно всепримирение. Он считал, что за богоборчеством В. Хлебникова стоит особое понимание христианства и своей исторической роли, схожей с ролью Христа, а борется В. Хлебников именно против неверно толкующих слова Спасителя.

Этим присутствие элементов хлебниковской поэтики в «Памятнике летчику Мациневичу» не ограничивается. Исходя из полученных в результате анализа вышеприведенного фрагмента сведений, можно сделать вывод об особой роли имен собственных в поэтике А.Л. Хвостенко. Их смысловая нагруженность не сводится к обозначению конкретных личностей, но скорее обуславливается их символическим характером. Р.В. Дуганов говорит, что В. Хлебников считал имя первоначально чистым словом, освобожденным от контекстных наслоений, сложности отношений между означаемым и означающим, т. е. зависимости от денотата. Слово, обладающее статусными характеристиками имени, в отличие от привычного слова, способно объективно отражать внешний мир. Потому имена собственные стали в поэзии В. Хлебникова строительным материалом для словотворчества.

В текстах А.Л. Хвостенко имена собственные естественно вплетены в общую ткань поэзии и также являются основой для словотворчества и метафор. Так, в поэме «Памятник летчику Мациневичу» вслед за хлебниковским ономотоморфным пейзажем мы можем выявить ономотоморфный сюжет. Имя заглавного героя произведения начинает претерпевать метаморфозы прямо с названия, так как к фамилии реальной личности первого русского летчика Л.М. Мациевича, памятник которому находится в Александро-Невской лавре, добавлена лишняя «н».

На этом приключения имени «Мациневич» не заканчиваются, так как оно получает сразу несколько квазивариаций: «мастурович», «месилович», «мытович», «мецупович». Всего в тексте употреблено четырнадцать имен собственных. Четыре располагаются в эпиграфах и одиннадцать — непосредственно в тексте поэмы (так как имя В. Хлебникова фигурирует и там, и там). Пять из них — это имена поэтов, музыкантов и художников из окружения автора, четыре — имена поэтов и художников прошлого. Оставшиеся пять имен мы объединим в отдельную подгруппу, так как в ее состав входит исходное имя Мациневича и четыре неологизма, производных от этого имени.

Историческая личность Л.М. Мациевича, жертвы первой российской авиационной катастрофы, не так важна, как то событие, в связи с которым его имя вошло в историю. Стоит отметить только то, что Л.М. Мациевич был известным офицером-изобретателем в области Военно-морского флота. Но скорее сам поэтический потенциал первой смерти человека в полете, в стихии воздуха, нередко ассоциирующейся со стихией поэзии, заинтересовал А.Л. Хвостенко.

Возвращаясь к роли поэтизации реального имени путем незначительной деформации его внешнего облика (в данном случае добавлением лишней «н»), нужно отметить и дополнительную семантическую нагрузку, которую несет этот прием. Став предметом художественной реальности, имя превращает в таковые и все сопряженные с ним реалии физического мира. Реальный стоящий в Александро-Невской лавре памятнике знаменитому русскому летчику Л.М. Мациевичу оказывается памятником своему поэтическому двойнику – летчику Мациневичу (принадлежности художественного текста). Таким образом, название «Памятник летчику Мациневичу» приобретает символическое значение, перекликающееся с традицией литературных памятников, но только на идейном уровне. Физический объект поэтическим жестом превращается в художественный объект, а поэма становится памятником этому событию и герою, который равен своему имени.

Мы полагаем, что родство двух на первый взгляд противоположных поэтик А.Л. Хвостенко видит в «изобретательской» природе поэтик авторов, в их желании раскрыть скрытый потенциал русского языка за счет глобальных художественно-лингвистических экспериментов. Для А.Л. Хвостенко было очевидно, что пушкинская поэтика «прорастает» в творчестве В. Хлебникова, поэта, которого он считал своим главным литературным наставником.

Библиографический список

1. Библия. Книги Священного писания Ветхого и Нового Завета. М.: Библейское общество, 1993. 1376 с.
2. Дуганов Р.В. Велимир Хлебников. Природа творчества. М.: Советский писатель, 1990. 352 с.
3. Хвостенко А.Л. Верпа. Тверь: Kolonna publications – Митин журнал, 2005. 448 с.
4. Хлебников В. Собрание сочинений: в 6 т. М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. Т. 1, 2, 6. Кн. 1.

References

1. *Bibliia. Knigi Sviashchennogo pisaniiia Vetkhogo i Novogo Zaveta* [Bible. Books of the Holy Scriptures of the Old and New Covenant]. М.: Bibleiskoe obshchestvo, 1993. 1376 p. [in Russian].
2. Duganov R.V. *Velimir Khlebnikov. Priroda tvorchestva* [Velimir Khlebnikov. The origins of creativity]. М.: Sovetskii pisatel', 1990. 352 p. [in Russian].
3. Khvostenko A.L. *Verpa* [Verpa]. Tver: Kolonna publications – Mitin zhurnal, 2005. 448 p. [in Russian].
4. Khlebnikov V. *Sobranie sochinenii: v 6 t.* [Collected works: in 6 Vols.]. М.: IMLI RAN, Nasledie, 2000. Vol. 1, 2. 6. Book 1. [in Russian].

**V. KHLEBNIKOV IN A.L. KHVOSTENKO'S CREATIVITY:
ON THE STATEMENT OF THE QUESTION**

In this article the first results of comparison of poetics of V. Khlebnikov and A.L. Khvostenko are presented. The cases of a direct mention of the name of V. Khlebnikov in the poetic texts of A.L. Khvostenko are considered, and also cases of structural overlapping between the poetics of the authors are analyzed on the example of several poems. In conclusion of the article the reasons of the appeal of A.L. Khvostenko to the poetics of V. Khlebnikov are considered.

Key words: avant-garde, unofficial literature, futurism, underground literature.

Статья поступила в редакцию 30/XI/2016.
The article received 30/XI/2016.

* *Drobinin Gregory Dmitrievich* (gdrobinin@gmail.com), Department of Philology and Mass Communications, Samara branch of the Moscow City Pedagogical University, 213, Novo-Vokzalnaya St., Samara, 443084, Russian Federation.